

RU

Финальный этап холодной войны на страницах американского журнала “Foreign Affairs”

Жигалова Г. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей репрезентации политических процессов на заключительном этапе холодной войны в публикациях американского журнала “Foreign Affairs” (1989–1991 гг.). В работе анализируются экспертные оценки трансформаций международных отношений и внутренней ситуации в СССР, сформировавшиеся на фоне перестройки и распада социалистической системы. Научная новизна исследования состоит в том, что публикации журнала “Foreign Affairs” 1989–1991 гг. впервые анализируются как единый корпус источников в контексте внешней политики США, что позволило выявить корреляцию между изменением риторики издания и переориентацией внешнеполитического курса администрации Дж. Буша на поддержку политических трансформаций в Восточной Европе, а также проследить переосмысление образа СССР (от партнера по переговорам к ослабевающей мировой державе). Проведенный анализ публикаций журнала “Foreign Affairs” за 1989–1991 гг. демонстрирует последовательную трансформацию дискурса журнала: от осторожного анализа внутреннего кризиса СССР к формированию нарратива о крахе коммунизма и победе Запада в холодной войне. Одновременно выявлена амбивалентность восприятия распада СССР, где триумфалистская интерпретация сочеталась с признанием неопределенности нового мирового порядка.

EN

The final stage of the Cold War on the pages of the American journal “Foreign Affairs”

G. A. Zhigalova

Abstract. The aim of this study is to identify the key features of how political processes at the final stage of the Cold War were represented in the American journal “Foreign Affairs” (1989–1991). The article examines expert assessments of the transformation of international relations and the internal situation in the USSR against the background of Perestroika and the collapse of the socialist system. The research novelty is defined by the fact that the publications of “Foreign Affairs” for 1989–1991 are examined for the first time in direct correlation with U.S. foreign policy priorities. This approach makes it possible to demonstrate how the journal’s rhetoric mirrored the strategic shift of the George H. W. Bush administration toward encouraging political changes in Eastern Europe and reframing the USSR from a negotiating partner to a declining global actor. The analysis demonstrates a consistent shift in “Foreign Affairs” discourse: from cautious evaluations of the Soviet internal crisis to the construction of a narrative about the collapse of communism and the victory of the West in the Cold War. The study also reveals ambivalence in the perception of the Soviet collapse, where triumphalist interpretations coexisted with the recognition of uncertainty in the emerging world order.

Введение

Актуальность данного исследования определяется необходимостью осмысления того, как завершение холодной войны и трансформация Советского Союза воспринимались в американском экспертном дискурсе. Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных политике М. С. Горбачева, внешнеполитическому курсу СССР конца 1980-х – начала 1990-х гг. и окончанию противостояния Востока и Запада, публикации журнала “Foreign Affairs” 1989–1991 гг. рассматривались исследователями лишь фрагментарно, хотя именно данное периодическое издание было тесно связано с представителями западной политической элиты и выступало площадкой выражения ключевых идей американского истеблишмента. Соответственно, анализ материалов журнала в период 1989–1991 гг. позволяет выявить особенности репрезентации процесса завершения противостояния сверхдержав и определить связь экспертного дискурса с изменением вектора внешней политики США.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- на основе выявленного блока публикаций в журнале “Foreign Affairs” определить, какие темы и события стали центральными для западного экспертного сообщества на заключительном этапе холодной войны;
- проследить, как менялась риторика авторов “Foreign Affairs” в отношении Советского Союза и его роли в международной системе по мере приближения к распаду государства;
- исследовать, каким образом в публикациях “Foreign Affairs” конструировался нарратив о роли США и Запада в завершении конфронтации сверхдержав.

В первую очередь, материалом для исследования послужили публикации американского журнала “Foreign Affairs” (1989-1991 гг.). Издание, основанное в 1922 г., было тесно связано с созданием Совета по международным отношениям, который ставил своей целью организацию встреч и обмен опытом в сфере внешней политики (Grose, 1996, p. 12). В ответ на запросы экспертов возникла необходимость в публикации различных аналитических работ, посвященных международным отношениям. Авторский состав журнала был представлен не только исследователями, но и политиками (Г. А. Киссинджер, Р. М. Никсон, С. Р. Вэнс, Д. Ф. Кеннан и др.). Выбор именно указанных хронологических рамок (1989-1991 гг.) обусловлен тем, что в столь короткий, но насыщенный событиями отрезок времени произошел ряд ключевых трансформаций: крушение социалистических режимов в Восточной Европе, кардинальные изменения в советской внешней политике, а затем и окончательный распад СССР. В рамках данной работы также рассматривается 71-й том журнала (Foreign Affairs, 1992, vol. 71), что включает в себя и выпуски, вышедшие в свет в начале 1992 г., но тематически целиком относящиеся к подведению итогов событий 1991 г. Кроме того, источниковую базу исследования составили мемуары и дневники участников событий окончания холодной войны.

В работе применяются методы дискурс-анализа и имагологии для выявления механизмов репрезентации образа Советского Союза в политических текстах в условиях окончания холодной войны. Как подчеркивала В. И. Журавлева, США и Россия «необходимы друг другу в роли значимых Других в национальных дискурсах идентичности» (2024, с. 40). Даже завершение холодной войны и приход к власти М. С. Горбачева не могли полностью стереть данную дихотомию. Авторы “Foreign Affairs” с осторожностью и расчетливостью анализировали происходящие изменения, формируя представления о новой международной реальности, несмотря на то, что политика периодического издания предусматривала многообразие точек зрения. Применяемый в работе историко-генетический метод позволяет выявить эволюцию представлений о холодной войне в западной аналитике.

Теоретическая база исследования опирается на несколько групп трудов. Значительный пласт литературы посвящен внешней политике периода перестройки и фигуре М. С. Горбачева. Среди наиболее заметных работ можно выделить исследования А. С. Барсенкова (2012), В. Л. Мусатова (2009), М. Ф. Плынова (2015), А. С. Пученкова (2024), А. И. Уткина (2009), А. В. Шубина (2005). К этому направлению относятся и труды зарубежных авторов, таких как У. Таубман (2019), А. Браун (Brown, 1996) и Дж. Гэддис (Gaddis, 1994). Тем не менее авторы не ставили целью изучение конкретных событий посредством периодической печати, используя ее достаточно фрагментарно (в том числе журнал “Foreign Affairs”). Особое внимание стоит также уделить работам по восприятию перестройки в прессе в целом. Так, О. В. Ветер (2014) анализировала французскую прессу, И. А. Петухова (2010) – итальянскую, а Д. С. Секиринский (2009) рассматривал ряд важнейших американских периодических изданий. Т. Г. Пашковская, Е. В. Шестиалтынова и Е. В. Токарев (2019) выявили эволюцию образа М. С. Горбачева в англоязычной прессе. Определенный интерес представляет также работа финских историков Марьятты Ванхала-Анишевски и Леа Сиилин (Vanhala-Aniszewski, Silin, 2013), посвященная репрезентации образа последнего советского лидера в российских СМИ XXI века. Несмотря на широкий интерес к репрезентации образа М. С. Горбачева в зарубежной и отечественной прессе, большинство исследований сосредоточено на ежедневных и еженедельных изданиях новостного типа (“The Times”, “Financial Times”, “Le Monde”, “The Washington Post” и др.). Вопрос же восприятия фигуры М. С. Горбачева и перестройки в специализированных аналитических журналах оставался на периферии научного внимания. Между тем именно такие издания, как “Foreign Affairs”, формировали экспертное поле и участвовали в конструировании внешнеполитической повестки США. В частности, стратегия сдерживания, применявшаяся по отношению к Советскому Союзу на протяжении холодной войны, была наиболее подробно описана в статье Дж. Кеннана (под псевдонимом “X”), ставшей одной из самых знаковых в истории периодического журнала (Hyland, 1992b, p. 177).

Обзор существующих работ показывает, что корпус исследований, посвященных журналу “Foreign Affairs”, охватывает преимущественно иные хронологические периоды. В. Т. Юнгблюд, О. В. Рычкова (2012) исследовали освещение журналом “Foreign Affairs” войны на советско-германском фронте (1941-1945 гг.). Отдельные статьи периодического издания послужили материалом для анализа в диссертациях Е. Ю. Терешко (2012) «Консервативные и либеральные периодические издания США о политической борьбе в России: 1992-1996 гг.» и А. Ю. Быкова (2001) «Пресса Соединенных Штатов Америки о политических и социально-экономических проблемах современной России, 1996-2000 гг.». А. О. Буранок и Д. А. Нестеров (2012) исследовали материалы данного периодического издания, посвященные китайским событиям времен Гражданской войны. Журнал также является предметом изучения проблем репрезентации более современных событий (Кошкин, 2019; Никифорова, 2022). Соответственно, фрагментарность обращения к материалам статей подчеркивает необходимость системного анализа данного журнала как источника, отражающего восприятие политики в годы перестройки и трансформации образа Советского Союза в 1989-1991 гг., на заключительном этапе глобального противостояния сверхдержав.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленные особенности дискурсивного восприятия СССР и механизмы формирования «образа чужого» и «образа своего» в переходные исторические периоды представляются особенно актуальными для понимания текущих отношений между Россией и Западом и могут быть применены для анализа современных медиастратегий в освещении международных конфликтов.

Обсуждение и результаты

Исследовательскому сообществу достаточно давно известна концепция «короткого XX века» историка Э. Хобсбаума, окончание которого исследователь связывает именно с периодом последних трех лет существования крупнейшего социалистического государства: «И лишь после крушения советской империи в 1989 году, распада и исчезновения самого СССР в 1989–1991 гг. стало невозможно притворяться и верить в то, что ничего не изменилось» (2004, с. 272). Заключительные годы Советского Союза были насыщены многочисленными политическими интригами как во внутренней политике, где шла борьба между разными политическими силами, так и в международных отношениях, претерпевших трансформацию. На фоне перестройки западные аналитики пристально отслеживали события, связанные с окончанием противостояния сверхдержав и дальнейшим существованием Советского Союза. Изменения во многих сферах приобрели необратимый характер, определив дальнейшую судьбу как СССР, так и глобальной системы международных отношений (Барсенков, 2012, с. 69). В своей книге М. С. Горбачев отметил: «1989 год стал ключевым, поворотным в истории перестройки и в мировой политике, в истории многих стран, ставших на путь демократии» (2018, с. 85). Революционные процессы в Восточной Европе отразились и на содержании “Foreign Affairs”: основное внимание обычно уделялось советско-американским отношениям, но с приходом к власти Дж. Буша фокус внешней политики США сместился. Новый президент взял «паузу для размышлений», переориентировав стратегические приоритеты с контроля над вооружениями на ситуацию в Восточной Европе (Буш, Скоукрофт, 2004, с. 46).

Эксперты журнала также призывали к осторожности во взаимоотношениях с Советским Союзом. Несмотря на значительное потепление между двумя сверхдержавами, аналитики подчеркивали, что окончание процессов «холодной войны» требует прекращения советской гегемонии в Восточной Европе (Mandelbaum, 1989, p. 21) и рассуждали о готовности Советского Союза пойти на переоценку безопасности своих интересов. В журнале “Foreign Affairs” данная пауза стала отчетливо заметна. Характерно, что одним из ключевых текстов первой половины 1989 года стала совместная статья В. Жискара д’Эстена, Я. Накасонэ и Г. Киссинджера (Giscard d’Estaing, Nakasone, Kissinger, 1989) – политиков, входивших в Трехстороннюю комиссию, в переговорах с которой принимал участие непосредственно М. С. Горбачев. Согласно записям заседаний Политбюро ЦК КПСС, сделанным помощниками Генерального секретаря уже зимой 1989 г., была предпринята попытка «прощупать» советскую позицию по поводу Восточной Европы: «Генри Киссинджер задал мне вопрос: “Как вы будете смотреть на то, если Восточная Европа захочет вступить в Европейское сообщество?”. Не зря они мне это выдали. Знают, что наши друзья уже туда стучатся» (В Политбюро ЦК КПСС..., 2008, с. 450). В статье вновь декларируется идея искусственности отношений Восточной Европы и СССР (Giscard d’Estaing, Nakasone, Kissinger, 1989, p. 11). Таким образом, “Foreign Affairs” не только выступал полем для коммуникации западного экспертного сообщества, но и транслировал читателю те моменты, которые происходили, в том числе «за кулисами» принятия внешнеполитических решений, что позволяло подготовить публику к возможным сдвигам глобальных отношений.

В первой половине 1989 г. тема потенциального разоружения еще обсуждалась на страницах периодического издания, но авторы призывали «разумно реагировать на инициативы» (Betts, 1989, p. 37), отметив преждевременность окончания противостояния СССР и США (Perry, 1989, p. 73). Кроме того, главным объектом обсуждения проблемы разоружения оказалось не заключение договора по СНВ, ставшее бы логичным продолжением соглашения по ракетам средней и меньшей дальности, а вопрос обычных вооружений. Авторы подчеркивали большую важность именно второго аспекта, поскольку количественное преимущество Советского Союза в оружии данного типа выглядело для Запада более опасным с точки зрения обеспечения баланса сил (Perry, 1989, p. 74; Giscard d’Estaing, Nakasone, Kissinger, 1989, p. 6; Owen, Meyer, 1989, p. 162; Hormats, 1989, p. 89). Таким образом, публикации “Foreign Affairs” в первой половине 1989 г. фиксировали риторику осторожности и выжидания, совпадавшую с политической линией «паузы», выбранной администрацией Дж. Буша. В материалах журнала преобладало стремление к сохранению стратегической сдержанности, что проявляется и на уровне языка публикаций журнала. Так, авторы еще не отказывали Советскому Союзу в статусе «сверхдержавы» (“superpower”), хотя отмечали его тяжелое, даже мрачное положение через такие эпитеты, как «осажденный» (“beleaguered”), «мрачный» (“somber”), «трудный» (“difficult”) и т. д. Тем не менее заявление об окончании холодной войны всё еще характеризовалось как преждевременное (“premature”), но фактическое появление словосочетания «конец холодной войны» (“the end of the Cold War”) еще до саммита на Мальте в дискурсе журнала “Foreign Affairs” свидетельствует о начале переосмысления самой логики противостояния в кругу американской политической элиты.

К середине 1989 г. Дж. Буш окончательно убедился в том, что М. С. Горбачев не намерен препятствовать различным переменам в странах Восточной Европы (Полынов, 2015, с. 223). Затишье первой половины 1989 г. сменилось встречами на Мальте в декабре того же года, ставшей одной из самых поворотных в вопросе изменения мировой системы. Значимость саммита подтверждается весьма широким охватом тем: лидеры обсуждали проблемы Восточной Европы, Прибалтики, развитие межнациональных противоречий в СССР и т. д. Сопутники М. С. Горбачева отмечали положительное значение данной встречи, поскольку она ознаменовала

прекращение вражды, окончание холодной войны (Шеварднадзе, 2009, с. 119; Черняев, 2008, с. 117). По мнению маршала С. Ф. Ахромеева (Ахромеев, Корниенко, 1992, с. 254) и дипломата А. Ф. Добрынина (Добрынин, 1997, с. 663), от встречи больше выиграли американцы, которые получили инициативу для решения германского вопроса по собственному образцу. В журнале *“Foreign Affairs”* встреча на Мальте оценивалась аналитиками достаточно положительно. В качестве ключевого результата эксперты отмечали подтверждение возможности для Восточной Европы найти собственный путь и проект строительства нового политического порядка (Howard, 1990, p. 25). Стремительность коллапса советской сферы влияния, вызвавшая растерянность и шок в Москве (Мэтлок, 2003, с. 165), в *“Foreign Affairs”* была описана также как нечто «чудесное» и почти необъяснимое: «год чудес» (*“annus mirabilis”*), «чудесный год» (*“wonderful year”*), «исторический поворотный пункт» (*“historic turning point”*), «великолепный сюрприз» (*“splendid surprise”*). Аналитик М. Банди (Bundy, 1990, p. 199) провозгласил 1989 в принципе лучшим годом, отметив возможность построения нового мира. Применение подобной эмоционально-насыщенной лексики свидетельствовало о постепенной трансформации дискурса журнала, который двигался в сторону завершения глобального противостояния и формирования триумфалистского нарратива. В частности, по замечанию нескольких аналитиков, события в Восточной Европе стали свидетельством победы Запада (Hoagland, 1990, p. 47; Horelick, 1990, p. 51), несмотря на то, что Германия все еще оставалась разделенным государством.

9 ноября 1989 г. Берлинская стена пала, но вопрос будущего существования германского государства все еще выступал открытым. По замечанию К. Бертрама (Bertram, 1990, p. 57), интеграция Германии предполагала согласование интересов множества игроков на политической арене, однако Восточная Европа больше не рассматривалась СССР в качестве приоритетного направления. В свою очередь, в *“Foreign Affairs”* не нашлось авторов, отстаивавших позицию сохранения двух отдельных государств, несмотря на то, что некоторые западные европейские державы не так активно поддерживали процесс объединения Германии (Буш, Скоукрофт, 2004, с. 184). Одну из самых подробных статей о восстановлении немецкого государства написал профессор Кёльнского университета К. Кайзер (Kaiser, 1991a, p. 179), назвавший интеграцию подлинным окончанием «холодной войны» и подчеркнувший бескровность этого события. Тем не менее единая Германия на западных условиях стала тяжелой уступкой для советских государственных деятелей, дипломатов, отмечавших, что данный процесс не был соотнесен с потерями советского народа во время Второй мировой войны (Мусатов, 2009, с. 15; Добрынин, 1997, с. 665). Значимая для Германии встреча в Вашингтоне М. С. Горбачева и Буша состоялась в июне 1990 г., когда внутренние процессы советского общества уже не позволяли вести полноценную внешнюю политику на равных. Именно тогда было фактически получено согласие советского руководства на объединение немецкого государства. В ходе саммита лидеры подписали несколько важных соглашений, главным из которых было торговое. Историк М. Ф. Полинов (2015, с. 230) отметил, что стремление получить кредиты вынуждало соглашаться с условиями, ограничивавшими самостоятельность внутренней и внешней политики СССР. Таким образом, события «бархатных революций» и объединение Германии позволили аналитикам журнала *“Foreign Affairs”* заявлять об окончании «холодной войны». Пожалуй, ключевую роль в процессе завершения данной конфронтации сыграли не переговоры по сокращению вооружений, которые были главной темой в первой половине перестройки (1985–1988 гг.), а урегулирование вопроса о будущем Восточной Европы (Blacker, 1990, p. 102).

После анализа изменений международного порядка и осмысления окончания противостояния в Восточной Европе на страницах *“Foreign Affairs”* все большую значимость приобретает вопрос трансформации самого образа Советского Союза. Если в 1989 г., особенно до саммита на Мальте, СССР воспринимался прежде всего как партнер по переговорам, чья роль в международной политике оставалась значимой, то постепенно аналитическая оптика смещается к оценке его внутренней устойчивости. Еще З. Бжезинский (Brzezinski, 1989) в своей статье конца 1989 г. употребил по отношению к СССР такие выражения, как «балканизация» (*“balkanization”*) и «вулкан народов» (*“volcano of nations”*). В частности, вторая метафора демонстрирует преемственность в конструировании образа России как исторически антигуманной империи: «Действительно, в то время как Маркс однажды описал царскую Российскую империю как тюрьму народов, а Сталин превратил ее в кладбище народов, при Горбачеве Советская империя быстро превращается в вулкан народов» (Brzezinski, 1989, p. 1). К 1990 г. оценочная риторика становится еще более негативной. Так, Д. Кеннан (Kennan, 1990, p. 177) охарактеризовал коммунистическую идеологию как трагедию не только во внешних связях, но и для внутреннего развития страны. В свою очередь, видный политик Дж. Киркпатрик со ссылкой на авторитетную британскую газету *“The Times”* представила СССР как «страну третьего мира с оружием первого мира» (Kirkpatrick, 1990, p. 5), подчеркивая фундаментальный разрыв между его военным потенциалом и экономической отсталостью. Употребление в журнале такой оценочной лексики, как маргинализация (*“marginalization”*), коллапс (*“collapse”*), фиксирует устойчивую тенденцию к представлению Советского Союза как государства, неспособного к дальнейшему развитию и реформированию.

Первой и последней проверкой совместного действия сверхдержав в условиях окончания процессов холодной войны стала ситуация в Кувейте, по замечанию историка А. С. Барсенкова (2012, с. 30), показавшая «неравноправие» в отношениях между СССР и США. Тактике Москвы во время кризиса в Персидском заливе посвящена статья политического аналитика Г. Фуллера (Fuller, 1991), где он отметил неустойчивость положения советского лидера, одновременно желавшего сохранить хорошие отношения с Вашингтоном и выступить посредником своеобразного мира на Ближнем Востоке. В конце статьи автор сделал вывод: «Если Советский

Союз хочет когда-либо процветать в условиях высоких технологий и глобализации экономики, ему придется действовать как полноправному партнеру на международной арене» (Fuller, 1991, p. 69). Данная, пожалуй, ультимативная фраза подчеркнула финансовую зависимость Советского Союза, неспособность его решить экономические проблемы без дополнительной помощи со стороны Запада. Г. Фуллер добавил, что у М. С. Горбачева было мало международных рычагов, оказывавших влияние на ход событий (Fuller, 1991, p. 69), а неустойчивость советской позиции и многочисленные внутренние проблемы СССР лишь стали свидетельством возможной ненадежности и непредсказуемости Москвы в последующих кризисах (Fuller, 1991, p. 73).

Интрига окончания «холодной войны» сменилась в 1991 г. интригой существования советского государства. Высказанная Р. Пайпсом (Pipes, 1991, p. 74) мысль о возможном распаде коммунистического государства стала рассматриваться на страницах журнала "Foreign Affairs" как реальная. Журналист "The Washington Post" Р. Г. Кайзер (Kaiser, 1991b, p. 174) еще в весеннем номере 1991 года подчеркнул шаткость положения М. С. Горбачева и всего государства. Аналитики Г. Аллисон и Р. Блэквилл (Allison, Blackwill, 1991) придерживались более осторожной позиции, не считая крах СССР свершившимся фактом, хотя отмечали разнообразие вариантов будущего вплоть до гражданской войны, хаоса и дезинтеграции. Заключение соглашения между Д. Бушем и М. С. Горбачевым о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) уже не вызвало какой-либо дискуссии. К этому моменту данные вопросы перестали быть центральной темой, уступив место обсуждению кризиса внутри Советского Союза. Августовский путч 1991 года окончательно подорвал перспективы сохранения СССР даже в виде обновленного союзного государства. После событий 19-21 августа М. С. Горбачев «вернулся в страну, в которой он уже не обладал властью...» (Пученков, 2019, с. 465).

Политолог С. Бялер в своей статье "The Death of Soviet Communism" утверждал, что во внешней политике СССР «достижения были, скорее, постепенной капитуляцией перед Западом» (Bialer, 1991, p. 176). Он сравнивал советскую систему с тяжело болевшим организмом, попытки «лечения» которого командой Горбачева лишь подтвердили глубину внутренней болезни (Bialer, 1991, p. 171). М. Мандельбаум (Mandelbaum, 1992) в эссе "Coups de Grace: The End of the Soviet Union" использовал похожую метафору. Выражение «удар милосердия» ("coups de grace") отсылает не только к идее завершения жизненного цикла советской системы, но и к августовскому путчу 1991 года. Таким образом, в самом заголовке статьи смысловое сочетание «путч» представляет как проявление финального удара уже умиравшей системе (Mandelbaum, 1992, p. 164).

Вместе с тем С. Бялер подчеркивал противоречие между утратой внутренней жизнеспособности и видимой мощью советского режима, отмечая, что распад «еще не казался близкой перспективой» (Bialer, 1991, p. 170). Подобное несоответствие между осознанием кризиса и неожиданностью его финала выделял также бывший директор Центральной разведки США Стэнфилд Тёрнер (1977-1981). В статье "Intelligence for a New World Order" он признавал, что для американского разведывательного сообщества такое состояние СССР стало неожиданностью, хотя признаки его экономической несостоятельности фиксировались с начала 1980-х годов (Turner, 1991, p. 162). Тем самым на страницах издания фактически констатировался провал спецслужб, которые не смогли предвидеть системный распад своего главного противника. Как отмечал аналитик Л. Фридман (Freedman, 1992, p. 25), на Западе отсутствовало полное понимание «испорченности» ("rottenness") советской системы. Таким образом, в журнале "Foreign Affairs" сформировался несколько амбивалентный дискурс обреченности системы с констатацией внезапности ее гибели даже для западного экспертного сообщества. Аналитическая составляющая журнала органично переплеталась с его идеологической позицией. С одной стороны, посредством как вышеприведенных метафор смерти коммунизма, так и прямых заявлений о победе Запада в холодной войне (Talbot, 1992, p. 53) конструировался триумфалистский нарратив, рационализировавший неожиданность распада СССР как закономерный итог противостояния. С другой стороны, аналитики продолжали сохранять осторожность и предупреждать о дестабилизации и возможной эскалации конфликтов в условиях нового мира, особенно на постсоветском пространстве (Mandelbaum, 1992, p. 176; Hyland, 1992a, p. 48-49).

Заключение

Итак, в журнале "Foreign Affairs" отчетливо прослеживается эволюция в репрезентации финала «холодной войны». Позиционировавший себя как политико-аналитический журнал, открытый для различных дискуссий, он, однако, отражал в большей степени точку зрения, присущую американскому истеблишменту.

В отношении центральных тем и событий фокус внимания журнала последовательно эволюционировал. Если в начале 1989 года важным аспектом обсуждения оставалась проблема сокращения вооружений (в большей степени обычных), то впоследствии главным объектом аналитики становится Восточная Европа, где «бархатные» революции и процесс объединения Германии были осмыслены как настоящее «чудо» и подлинное окончание процессов холодной войны. Тематика разоружения отошла на второй план, уступив место анализу кризиса коммунистической идеологии и осмыслению фундаментальной трансформации всей международной системы.

Даже в относительно небольшой, но насыщенный период времени (1989-1991 гг.) образ Советского Союза претерпел трансформацию. Авторы (особенно до событий «бархатных» революций) сохраняли сдержанность по поводу оценки коммунистического противника, признавая, однако, его сложное положение во внутренней сфере. В риторике 1989 г. преобладали формулы «осторожности» и «ожидания», выражавшиеся через лексику рационального подхода и эпитеты, обозначающие кризисное, но еще не фатальное состояние СССР. Впоследствии дискурс нежизнеспособности коммунистической системы стал доминирующим, что выражалось через метафоры «смерти» и «исторической обреченности».

Трансформация образа СССР напрямую связана с формированием триумфалистского нарратива о победе Запада в холодной войне, поскольку репрезентация несостоятельности советской системы создала смысловой фундамент для утверждения западной модели как универсальной. Вместе с тем в текстах авторов сохраняется неоднозначность суждений о гибели восприятия распада коммунистического режима, поскольку предопределенность краха сочеталась с его внезапностью для западных наблюдателей, а идеологический тон соседствовал с аналитическим, подразумевавшим признание неустойчивости нового мирового порядка и даже собственных ошибок. Такая амбивалентность свидетельствует о двойственной роли “Foreign Affairs”, стремившегося выступать площадкой для экспертов, но одновременно участвовавшего в конструировании нарратива о победе Запада.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением других важнейших политико-аналитических журналов (“Foreign Policy”, “The National Interest”, “International Security” и др.) и их сравнениями с “Foreign Affairs”, что позволит выявить основные тенденции и различия восприятия Советского Союза и окончания холодной войны в дискурсе западных экспертных изданий.

Материалы исследования | Research materials

1. Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992.
2. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим / пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004.
3. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / сост. А. Черныев, А. Вебер, В. Медведев. Изд-е 2-е. М.: Горбачев-Фонд, 2008.
4. Горбачев М. С. В меняющемся мире. М.: АСТ, 2018.
5. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М.: Автор, 1997.
6. Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. М.: Рудомино, 2003.
7. Черныев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008.
8. Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / пер. с нем. Г. Леоновой. М.: Европа, 2009.
9. Allison G. T., Blackwill R. D. America's Stake in the Soviet Future // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 3.
10. Bertram C. The German Question // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 2.
11. Betts R. K. NATO's Mid-Life Crisis // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 2.
12. Bialer S. The Death of Soviet Communism // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 5.
13. Blacker C. D. The Collapse of Soviet Power in Europe // Foreign Affairs. 1990. Vol. 70. No. 1.
14. Brzezinski Z. K. Post-Communist Nationalism // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 5.
15. Bundy M. From Cold War Toward Trusting Peace // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 1.
16. Freedman L. Order and Disorder in the New World // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. No. 1.
17. Fuller G. E. Moscow and the Gulf War // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 3.
18. Giscard d'Estaing V., Nakasone Y., Kissinger H. A. East-West Relations // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 3.
19. Hoagland J. L. Europe's Destiny // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 1.
20. Horelick A. L. U.S.-Soviet Relations: The Threshold of a New Era // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 1.
21. Hormats R. D. Redefining Europe and the Atlantic Link // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 4.
22. Howard M. The Springtime of Nations // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 1.
23. Hyland W. G. The Case for Pragmatism // Foreign Affairs. 1992a. Vol. 71. No. 1.
24. Kaiser K. Germany's Unification // Foreign Affairs. 1991a. Vol. 70. No. 1.
25. Kaiser R. G. Gorbachev: Triumph and Failure // Foreign Affairs. 1991b. Vol. 70. No. 2.
26. Kennan G. F. Communism in Russian History // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 5.
27. Kirkpatrick J. D. Beyond the Cold War // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. No. 1.
28. Mandelbaum M. Coup de Grace: The End of the Soviet Union // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. No. 1.
29. Mandelbaum M. Ending the Cold War // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 2.
30. Owen H., Meyer E. C. Central European Security // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 3.
31. Perry W. J. Defense Investment Strategy // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. No. 2.
32. Pipes R. E. The Soviet Union Adrift // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 1.
33. Talbott S. Post-Victory Blues // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. No. 1.
34. Turner S. Intelligence for a New World Order // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 4.

Источники | References

1. Барсенков А. С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985-1991) // Вестник Московского университета. 2012. № 4.
2. Буранок С. О., Нестеров Д. А. Гражданская война в Китае по материалам журнала “Foreign Affairs” // Вестник Московского университета. 2012. № 4.

3. Быков А. Ю. Пресса Соединенных Штатов Америки о политических и социально-экономических проблемах современной России, 1996-2000 гг.: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2001.
4. Ветер О. В. Внешняя политика М. С. Горбачева в оценках французской прессы (1985-1991 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 1.
5. Журавлева В. И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. № 15 (1).
6. Кошкин П. Г. Формирование нового образа России в прессе Запада с 2014 по 2019 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 12. Вып. 4.
7. Мусатов В. Л. «Метаморфозы политики Горбачева» в отношении стран социалистического содружества // Новая и новейшая история. 2009. № 3.
8. Никифорова М. В. Образ России в американских СМИ 2021 года (на материале статей журнала Foreign Affairs) // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91).
9. Пашковская Т. Г., Шестиалтынова Е. В., Токарев Е. В. «Горби – человек, изменивший мир»: эволюция образа М. С. Горбачева в англоязычной прессе (1985-1991 гг.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 9.
10. Петухова И. А. Итальянская пресса о М. С. Горбачеве и его политике 1984-1991 гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Ярославль, 2010.
11. Полюнов М. Ф. Внешняя политика Горбачева. 1985-1991 гг. СПб.: Алетейя, 2015.
12. Пученков А. С. Августовский путч: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. № 2.
13. Пученков А. С. Генсек и Президент: М. С. Горбачев в 1990-1991 гг: монография. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2024.
14. Секиринский Д. С. Американское общество и меняющийся Советский Союз: восприятие в США социально-политических трансформаций периода перестройки: автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2009.
15. Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время / пер. с англ. Т. Азаркович и О. Тихомировой. М.: АСТ; CORPUS, 2019.
16. Терешко Е. Ю. Консервативные и либеральные периодические издания США о политической борьбе в России (1992-1996 гг.): дисс. ... к. ист. н. Хабаровск, 2012.
17. Уткин А. И. Измена Генсека. Бегство из Европы. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009.
18. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий XX век (1914-1991). М.: Независимая газета, 2004.
19. Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005.
20. Юнгблюд В. Т., Рычкова О. В. "Foreign Affairs": освещение войны на советско-германском фронте в 1941-1945 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 4.
21. Brown A. The Gorbachev Factor. N. Y.: Oxford University Press, 1996.
22. Gaddis J. The United States and the End of the Cold War. N. Y.: Oxford University Press, 1994.
23. Grose P. Continuing the Inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996. N. Y.: Council on Foreign Relations, 1996.
24. Hyland W. G. Foreign Affairs at 70 // Foreign Affairs. 1992b. Vol. 71. No. 4.
25. Vanhala-Aniszewski M., Silin L. The Representation of Mikhail Gorbachev in the Twenty-first Century Russian Media // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65. No. 2.

Информация об авторах | Author information

Жигалова Галина Алексеевна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Galina Alekseevna Zhigalova¹

¹ St. Petersburg State University

¹ zhigalovagali@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2025; опубликовано online (published online): 14.11.2025.

Ключевые слова (keywords): холодная война; журнал "Foreign Affairs"; образ СССР; Запад; Cold War; Foreign Affairs journal; image of the USSR; the West.